

УДК 32.001:06
ББК 66
К 126

КАВКАЗ-2008. Ежегодник Института Кавказа. — Ер.: Институт Кавказа, 2010. — 211 с.

К 126 Шестой выпуск Ежегодника посвящен итогам 2008 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в апреле 2009 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2008 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы урегулирования конфликтов.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am

Географические карты и верстка: студия «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus 2008. CI Yearbook. — Yerevan, CI, 2010. — 211 p.

The sixth CI Yearbook sums up year 2008 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CI conference in April 2009 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the US. The volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2008. The papers reveal the overall trends in the politics, economics and societies of the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing by **Nina Iskandaryan** and **Sergey Minasyan**

Cover design by **Matit** / www.matit.am

Maps and text layout by **Collage** / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-364-2

ББК 66

© Институт Кавказа, 2010 г.

© 2010 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза, Швейцарского агентства развития и сотрудничества и Фонда Генриха Бёлля.

The publication of this volume was made possible by the support of the European Union, Swiss Development and Cooperation Agency and the Heinrich Böll Foundation.

АРМЕНИЯ В 2008 г.: ФЕОДАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

Сурен Золян

Представленное ниже не только не является претендующим на полноту описанием событий, происшедших в 2008 г. в Армении, но и не ставит целью какое-либо воспроизведение событийного ряда. Более того, мы не затрагиваем и столь важные аспекты, как внешнеполитические и социально-экономические. А говоря о внутривнутриполитической ситуации, мы, понимая всю противоречивость и возможность различных интерпретаций, попытались обосновать и концептуализировать наше видение внутривнутриполитических процессов.

Безусловно, 2008 г. - не только один из наиболее противоречивых, но и самых «неудачных» в истории новейшей Армении. Год начался внутривнутриполитическим кризисом, завершился тем, что Армения стала реально ощущать последствия мирового экономического кризиса. Событийный календарь распадается на четыре важнейших отрезка:

1. *Декабрь 2007 г. – 20 февраля 2008 г.* Крайне конфликтогенное начало предвыборной кампании (хотя ее официальный старт – 20 января) вплоть до объявления результатов выборов.
2. *21 февраля – 1 марта 2008 г.* Самый короткий и наиболее драматичный период: оспаривание сторонниками Левона Тер-Петросяна результатов выборов и разгон властями сидячей демонстрации, что в результате привело к массовым беспорядкам и человеческим жертвам.
3. *1 марта – 9 апреля 2008 г.* Введение чрезвычайного положения, аресты среди сторонников оппозиции по обвинению в организации массовых беспорядков и попытках захвата власти; это последний месяц президентского правления Роберта Кочаряна и передача власти Сержу Саргсяну.
4. *9 апреля 2008 г. – 27 января 2009 г.* Вступление в должность Сержа Саргсяна, распад тандема Кочарян-Саргсян, борьба за «правильную» интерпретацию «событий 1 марта» и ее официальная оценка Парламентской Ассамблеей Совета Европы,

поставившей точку на надеждах оппозиции на досрочные выборы президента и парламента и закрепившей режим «полу-властия». Именно эту дату можно считать концом затянувшейся избирательной компании.

Как видим, весь 2008 г. — это различные этапы президентских выборов, которые начались намного раньше и закончились намного позже официальных сроков. Именно этот процесс мы считаем определяющим и сосредоточимся на уяснении его логики.

Пониманию политического процесса, происходившего в 2008 г. в Армении, поможет сопоставление того, как в разных постсоветских странах решается ключевая для СНГ проблема: передача власти от одного лица к другому лицу. В самом деле, партийные, идеологические и корпоративные факторы если и присутствуют, то играют явно второстепенную, а то и декоративную роль. С этой точки зрения постсоветские государства можно разделить на две группы - в зависимости от того, ограничены ли президентские полномочия двумя сроками или же на возможность переизбрания нет каких-либо ограничений. К первой группе будут отнесены Грузия, Молдова, Украина, Кыргызстан, а ко второй — Беларусь, Туркменистан, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан (последние два — с некоторыми не столь существенными оговорками). Как видим, это деление совпадает с другим — которое условно можно назвать разделением СНГ на зоны возможных «цветных революций» и на зоны т.н. «стабильности». Россия, как обычно, занимает особое место. Хотя президентские полномочия и ограничены двумя сроками, но, по сути, не исчерпываются ими. Сложилась практика, при которой действующий президент в конце своего второго срока сам назначает себе преемника¹.

Разумеется, есть определенное отличие нынешней ситуации в России от предыдущей — тогда действующий президент уходил на покой, перепоручая «семью» своему молодому ставленнику, тогда как нынешняя ситуация дает основания политологам говорить о старшем царе-премьере и младшем царе-президенте, или, в более нейтральных терминах, о «тандемократии».

¹ См. к примеру: *Холодковский К. Г.* К вопросу о политической системе современной России // *Полис*, №.2, 2009. С.16.

Безусловно, все это обусловлено авторитарным характером системы, при которой преемственность власти неизбежно приобретает личностный характер, ибо и сама власть определяется личностными факторами. При авторитаризме настолько важным оказывается то, кто стоит во главе системы, что сама система сливается с личностью, и население идентифицирует систему с личностью. Так, ельцинская Россия, путинская Россия или же СССР Горбачева и СССР Брежнева – совершенно разные не только символы, но системы и даже эпохи. Что касается нынешней ситуации в России, то сегодня личностный фактор в ней не столь силен, чтобы привести к несменяемости власти путем выборов, как в странах второй группы, но достаточно существенен, чтобы вопросы т.н. *преемственности* власти определялись **лично** действующим президентом и принимали характер выбора некоторой **личности** - кандидатуры, по тем или иным причинам оптимальной с точки зрения высшего эшелона политической элиты. Происходящие после партийные, а затем и общенародные выборы по сути свелись к плебисциту (как в случае референдумов о продлении президентских полномочий или же снятия ограничений на их сроки), что породило замысловатый термин – «плебисцитарный цезаризм».

Складывавшаяся к 2008 г. ситуация говорила в пользу того, что Армении суждено было повторить российский путь – учитывая значительное сходство как политико-правовой системы, так и политической культуры. Уже в 2007 г. стало ясно, что Армения, по крайней мере на данном этапе, не пойдет по пути переизбрания действующего президента на третий срок. Напомним, что при изменении Конституции основной темой дискуссии между властями и оппозицией были не сами поправки, а то, считать Конституцию новой или же «обновленной» – т.е. создаст ли измененная Конституция юридическую возможность для выдвижения действующего президента на новый срок.

Любимой темой противников изменений к Конституции были не сами поправки, а то, что, иницилируя референдум по поправкам к Конституции, Р.Кочарян тем самым якобы готовит для себя правовые зацепки для выдвижения на третий срок. Это повторялось и до, и после принятия изменений, – несмотря на многократные заявления самого Кочаряна и людей из его окружения о том, что поправки к Конституции не могут считаться новой Конституцией.

Тем более, что как прежняя, так и новая редакции Конституции ограничивали президентские полномочия только двумя сроками. Стоит также отметить, что до этого своеобразный прецедент был создан тогдашним президентом НКР Аркадием Гукасяном — поскольку в НКР Конституция была принята только в 2006 г., в вопросе о сроках президентства возникала некоторая юридическая двусмысленность². Прозвучал ряд предложений о выдвижении Аркадия Гукасяна на новый срок — особенно учитывая существующую постоянную угрозу существованию Карабаха со стороны Азербайджана, что можно было бы считать вполне весомым аргументом в пользу авторитаризма. Однако А.Гукасян заявил, что его выдвижение на второй срок было бы отходом от процесса построения демократии в Нагорном Карабахе и противоречило бы принципам правового государства.

2007 г. стал в этом отношении для Армении определяющим — если не окончательно, то во всяком случае на обозримое будущее, в Армении исключена возможность неограниченного двумя сроками переизбрания президента. Вместе с тем, принятые на референдуме поправки к Конституции предусматривали достаточно значительное перераспределение властных полномочий, в первую очередь, передачу существенной части полномочий от президента к премьеру. Это дало основания говорить о том, что в Армении скорее осуществится «российский вариант»: Роберт Кочарян собирается стать «сильным» премьером при новом президенте. Уже начиная с 2003 г., т.е. с предыдущих президентских выборов, основными вопросами политического дискурса были: «Кто *после* Кочаряна?», который получил «провластное» и «оппозиционное» оформление — «Кто, как не Кочарян?» и «Только не Кочарян!» Противостоянием этих двух лозунгов определялась логика президентских выборов 2003 г., но их инерция распространилась и на последующие годы. Удивительно, но, казалось бы, простейший вопрос — «А кто *вместо*

² Ср.: «...переходные положения принятой в 2006 г. Конституции НКР не препятствовали ему баллотироваться и на третий, и на четвертый срок. Но А.Гукасян предпочел действовать в соответствии со старым законодательством, согласно которому он был избран на пост президента, и которое ограничивало его пребывание на этом посту 10 годами». — Давид Петросян. Непризнанные государства Южного Кавказа // Кавказ- 2007. Ежегодник Института Кавказа. Ер., Институт Кавказа, 2009. С.54.

Кочаряна» — не ставился. Впрочем, вплоть до конца 2008 г. вопрос этот казался риторическим³.

В самом деле, в отличие от России, где и Ельцин, и Путин к концу своего второго срока выбрали себе в преемники молодого и практически до этого малоизвестного политика, в Армении имя этого преемника ни для кого не было секретом. Выбор был определен не столько действующим президентом, сколько predetermined — если не навязан — самим преемником и самой системой. Это был к тому времени занимавший пост премьера и председателя Республиканской партии Серж Саргсян. Результаты парламентских выборов 2007 г., на которых возглавивший Республиканскую партию лишь в самый канун выборов Серж Саргсян обеспечил ей доминирование в парламенте, не оставил провластному лагерю каких-либо альтернатив. В пользу Сержа Саргсяна действовал еще и очень важный для авторитарной системы личностный фактор. Начиная еще с самых первых шагов в политике — как неформальные лидеры Карабахского движения в Карабахе — Роберт Кочарян и Серж Саргсян, оба хорошо известные и практически равные политики, все это время действовали вместе. Сформировавшийся еще в 1988 г. «тандем» с тех пор в самых разных, временами сложнейших ситуациях действовал согласованно и эффективно.

В этом тандеме роль выдвинутого на первый план всегда принадлежала Кочаряну, теперь же предполагалось, что на первую позицию выдвинется Серж Саргсян. Но сама власть и в системном, и в кадровом отношении по сути оставалась бы той же. Безусловно, крайне затруднительно приводить количественные данные, но, что

³ Подробнее см. в нашей статье: *Золян С.* Это сладкое слово — «стабильность». Армения в 2004 году // Кавказ - 2004. Ежегодник Института Кавказа. Ер., Институт Кавказа, 2006. Так, нами отмечалось: «Это заметно даже по формулировкам — так, интенсивно обсуждается вопрос — кто будет преемником Кочаряна, кто придет на смену Кочаряну. На вопрос «Кто вместо Кочаряна» наложено табу — провластные силы исходят из того, что новый президент будет из их лагеря и, стало быть, в силу своей лояльности не может не пользоваться поддержкой нынешнего; что касается оппозиции, то любой конкретный ответ на вопрос «Кто вместо Кочаряна» не обсуждают, чтобы не вносить раскол в лагерь оппозиции. Но при этом если и обсуждается, то в лучшем случае мимоходом вопрос о том, какая партия получит большинство в парламенте 2007 г. Когда в прессе уделяется внимание парламентским выборам 2007 г., то только применительно к тому, какое они окажут влияние на президентские выборы 2008 г.». — Ук. соч., с.93.

очевидно, многие из отдавших голос за Сержа Саргсяна голосовали за эту связку, видя в ней продолжение медленного, но верного развития. Очевидно также и то, что многие голосовали против, видя в Серже Саргсяне продолжение политики укрепления авторитарной вертикали, а в его поражении усматривали возможность усиления демократических элементов в политической системе Армении⁴.

Однако не произошло ни того, ни другого и даже ни третьего. В силу ряда причин реализовалась иная модель: неспособность новой команды удержать выстроенную Кочаряном структуру привели к тому, что централизованная авторитарная система сменилась напоминающую феодальную раздробленность фрагментацией власти.

В свое время Карл Маркс проницательно заметил: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).

Введение чрезвычайного положения после «событий 1 марта» не могло не породить параллелей с 1996 г. — когда Левон Тер-Петросян после провозглашенной им же «победы» ввел чрезвычайное положение. Вряд ли происшедшие в 1995-1996 гг. и 2008 г. события и их участники могут быть оценены как «всемирно-исторические». Конечно же, пролитая кровь и нанесенный обществу и государству огромный ущерб не позволяют квалифицировать происшедшее как фарс. Но нельзя не видеть если не комизма, то по крайней мере иронии истории в том, что политик, создавший систему фальсифи-

⁴ Заметим, что существует и другая точка зрения, согласно которой аналогия с ситуацией в России верна лишь на поверхностном уровне, тогда как по сути это не так. Как пишет А.Искандарян, «...разница тут принципиальная: Путин до самого конца своего второго срока полностью контролировал и парламентскую коалицию, и бизнес-элиты, и исполнительные структуры. При желании он мог назначить кого угодно... Кочарян же не имел вообще никакой возможности назначать Саргсян добился статуса «наследника» путем политической борьбы, сумев возглавить партию власти и завоевать большинство в парламенте». См. — *Искандарян А. Армения - 2007: Публичность против элитности // Кавказ- 2007. Ежегодник Института Кавказа. Ер., Институт Кавказа, 2009. С.29.* Но и в случае подобной интерпретации необходимо важное уточнение, приводимое А.Искандаряном: «Общество не восприняло Кочаряна и Саргсяна как конкурентов, но лишь как представителей одной и той же номенклатуры, передающих друг другу эстафету с целью сохранить власть этой номенклатуры...» — там же.

кации выборов, политических репрессий и силового подавления народного недовольства, сам стал ее жертвой. Наказание приобрело вид не юридического приговора — армянское государство оказалось не способным на это, — оно приняло куда более подобающий уровень общественного развития Армении облик житейской притчи на тему «что посеешь, то и пожнешь».

Однако зеркальное отражение ситуации 1996 г. куда серьезнее и трагичнее, чем подтверждение столь тривиальной житейской мудрости. К сожалению, параллели распространяются и на куда более глубинные явления. Важны не внешнее сходство между событиями (те же лица, чрезвычайное положение, военные на улицах), а возврат к некоторой обрекающей общество и государство на отставание архаичной парадигме — некоему специфическому для Армении политическому режиму. Это ставшая характерной для армянской политической культуры разновидность *рыхлого авторитаризма, переходящего в феодализм, чему сопутствует фрагментация государственной власти и приватизация ее институтов, целенаправленная деморализация общества, цинизм и словоблудие вместо политических программ, провинциализация институтов публичной политики*.

Внешне это может выглядеть (и иногда так и трактуется международными экспертами) как децентрализация и делегирование полномочий. Однако если в демократической системе это предполагает делегирование ответственности, то в условиях Армении это оборачивается отказом от ответственности. Безусловно, можно спорить, насколько адекватна заложенная в основу политической системы авторитарная вертикаль власти и какие иные модели могут быть предложены. Во всяком случае, не может считаться разумной альтернативой возникшая в середине 1990-х гг. и воспроизводимая сегодня феодальная фрагментация власти с ее основополагающим принципом — *сеньор моего сеньора не мой сеньор*. При осуществлении государственной политики это приводит к разрыву в цепи между принимающими решения и их исполнителями, несогласованности, а в ряде случаев и безответственности и своеволию на уровне средних и низших звеньев системы управления (за неимением данных мы не касаемся функционирования теневых структур, которые в случае бездействия официальных могут стать реальной властью. Обычно они регулируются характерным для силовых и мафиозных структур принципом безусловного единоначалия).

В 1996 г. режим Левона Тер-Петросяна так и не оправился от одержанной им «победы». Если до этого, в 1993-1996 гг. используя силовые структуры, а главное – парамилитаризованные формирования, он мог контролировать ситуацию и поддерживать режим своей личной власти, то в 1997 г. этот режим распался – Тер-Петросян перестал контролировать свое окружение. Сложилась система удельных князьков, ни во что не ставящих своего патрона – каждый из них считал, что именно ему президент обязан своим президентством. Тем самым, президент стал заложником, зависимым от причуд своих царедворцев, что достаточно скоро привело к системному кризису и досрочному уходу Левона Тер-Петросяна с поста президента в январе 1998 г. Таким образом, победа Левона Тер-Петросяна в результате обернулась поражением созданного им режима.

В феврале 2009 г. Левон Тер-Петросян проиграл – но парадоксальным образом в течение года в результате вновь победила когда-то заложенная им политическая парадигма (что сделало ненужным возвращение во власть самого Тер-Петросяна). Она победила не сразу и не без борьбы, хоть и весьма непродолжительной. Между тем, именно в конце февраля 2008 г., сразу же после выборов, была попытка наметить альтернативный путь. Выборы показали, что ужесточение авторитарной вертикали не приводит к снятию напряжения в обществе, напротив, это обостряет кризис социальной справедливости и солидарности. Социально-экономические проблемы не получают надлежащего решения, и даже экономический рост не служит снятию напряженности, а усиливает пропасть между богатым меньшинством и обездоленным большинством.

Безусловно, осознание этого предопределило изменение программ новоизбранного президента. Период «вхождения» Сержа Саргсяна в должность – это период попыток трансформировать демократическим путем существующий режим. Особо показательно его программное выступление от 26 февраля⁵. В нем выделяются две главные темы – это:

- 1) идея единения и преодоления существующих разногласий,*
- 2) уважение прав и свобод, в первую очередь, - права народа формировать власть путем выборов.*

⁵ «Айастані Анрапетутюн», 27.02.2008.

Об этом было сказано четыре раза и в различной связи как об основном принципе государства и общества. Весьма эффективным был и практический шаг по обеспечению общественной консолидации – президент предложил всем своим конкурентам-кандидатам в президенты войти в коалицию и сформировать совместную программу действий. Был сделан и шаг навстречу протестному электорату – прозвучало обещание освободиться от сформировавшейся олигархической системы и от вызывающих наибольшее общественное раздражение, если не ненависть, «хмбапетов» (буквально – «атаманов») – разного рода князьков, как правило, обладающих вооруженной охраной.

Культивируемой Тер-Петросяном идеи конфронтации была противопоставлена программа единения. Однако выступление Саргсяна не возымело того эффекта, на которое было рассчитано. Для озвучивания этих серьезных идей был выбран крайне неудачный формат: общереспубликанский митинг, на который усилиями региональных властей были привезены люди из районов. Короткая и совсем немитинговая речь Саргсяна, отсутствие ставших, к сожалению, привычными для армянских митингов развлечений, песен и плясок привело к тому, что значительное количество участников сразу же отправилось на соседнюю площадь – на перманентный митинг Левона Тер-Петросяна, придав ему новый импульс. Вместо единения лишь усилилась конфронтация. Это был жестокий урок – социальная солидарность достигается делами, а не аппаратной, притом весьма топорной работой.

Уже после «событий 1 марта» (об этом ниже) власти предприняли новую попытку конкретизировать программные действия по реформированию системы и выходу из кризиса. Программа предусматривала преодоление раскола в обществе путем осуществления мер по решению проблем в экономике и в социальной сфере. Это была программа правительства, при утверждении изложенная в парламенте новоназначенным премьер-министром Тиграном Саркисяном⁶. Им были достаточно точно указаны унаследованные властями проблемы: *нездоровая морально-психологическая обстановка, раскол общества, значительный удельный вес теневой экономики, коррупция, произвол чиновников, неравные условия конкуренции, бедность и др.*

⁶ «Айстани Анрапетутюн», 30.04. 2008.

Тигран Саркисян предложил реагировать на все эти вызовы системно и наметить пути решения исходя из следующих принципов:

1. *В быстро меняющемся мире необходимо быстро реагировать на изменения;*
2. *Обезопасить Армению от негативного внешнего воздействия и вместе с тем создать условия для желательного для нас сотрудничества;*
3. *Общество и экономика, основанная на знании;*
4. *Обеспечение прав и свобод современного человека.*

Осуществив подобная программа – это привело бы к кардинальному изменению политического режима в Армении и стало бы реальной основой для установления общественного консенсуса. Однако для этого требовалось вступить в конфликт со сложившейся системой, причем в крайне неудачный момент: в условиях продолжающегося противостояния с отвергающими возможность какого-либо диалога сторонниками смены власти. А пойти на это власти не решились. Премьер провозгласил «*Сильные университеты – сильное государство*», но это осталось всего лишь лозунгом. На деле скорее реализовался другой: «*Сильные авторитеты – слабое государство*». Не найдя опоры внутри общества, которое, кстати сказать, вышло из кризиса настолько ослабевшим, что само нуждалось в длительной реабилитации, центральные власти заключили негласное соглашение с местными авторитетами – формальными и неформальными «управляющими» на местах. Это именно те, кого президент называл «хмбапетами» – они и выиграли от противостояния между властью и оппозицией. Первые же столкновения центральной власти и местных авторитетов (это было обострение отношений между премьер-министром и губернатором Сюника, а также громкое дело относительно жестокого убийства в кафе «Одноклассники», в котором были замешаны «гвардейцы» одного из олигархов) из показательных акций по наведению порядка превратились в свою противоположность, продемонстрировав безнаказанность авторитетов.

Глубинное сходство между событиями 1996 и 2008 гг. мы видим в том, что по авторитаризму был нанесен мощный удар, но его ослабление в подобных условиях не приводит к его трансформированию в демократический механизм, а создает феодальную мозаику, чему, помимо сложившихся местнических и клановых отношений,

способствовало приведенное в соответствие с требованиями Совета Европы законодательство о местном самоуправлении⁷. Установившийся в центре рыхлый авторитаризм был гармонично дополнен электоральным феодализмом на местах — когда народ сам выбирает своего феодала⁸. Состоявшиеся в конце лета — начале осени 2008 г. выборы в органы местного самоуправления наглядно показали, кому в реальности принадлежит власть на местах. Важнейший признак демократии — формирование власти путем выборов — в создавшейся системе становится ритуалом, легитимизирующим уже создавшуюся формальную и неформальную иерархию. Провалились робкие попытки центральной власти хоть как-то повлиять на ситуацию, поддержав кандидатов, конкурирующих с наиболее скомпрометированными из местных начальников. Показательно, что в качестве альтернатив выдвигались люди из криминального мира — иным в подобной ситуации нечего было и делать. Конечно, идея найти «просвещенного» бандита, чтобы он навел «порядок», чересчур экзотична, чтобы быть удачной, но она показательна. Излишне говорить, что местные выборы и послевыборные процессы свелись к перестрелкам, избиениям, подкупу и шантажу. Если предыдущему авторитарному режиму, хоть и избегавшему прямого столкновения с криминализованными местными элитами, удавалось хоть как-то держать их в узде, то в новых условиях этот контроль был утрачен. Слова о том, что больше не будет власти *хмбанетов и маузеристов*, оказались из разряда благих пожеланий.

Безуспешной оказалась и попытка атаки на финансово-экономическую мощь новых феодалов — теневую экономику. Борьба премьера с «тенью» очень скоро стала напоминать то, что и в боксе —

⁷ Имплементация Хартии Совета Европы о местном самоуправлении — достаточно показательный пример тому, как формально соблюдаемый постмодернистский проект может приводить к глубокой архаизации. Так, в данном случае разумная идея «Европы регионов», напоминающая средневековую сложную систему, основана на делегировании полномочий и ответственности местным властям и коммун на местах. Ее формально-правовая имплементация в условиях Армении приводит к противоположному результату — разрыву системных связей, бесправию жителей перед избранным ими же начальником, игнорированию общественных интересов и восстановлению клановой организации коммуны.

⁸ Об «электоральном феодализме» см. подробнее: *Золян С.* Институты западной демократии и армянские реалии // Сравнительное конституционное обозрение, № 2(59), 2007. С.132.

то есть тренировочную имитацию боя без соперника. Но в отличие от бокса, где такой бой безобиден, скоро выявились реальные потери. Целью правительства было установление контроля над ярмарками — «черными дырами» контролируемой группой олигархов крупнооптовой торговли. Но последним удалось перенаправить «борьбу» в другое русло — в реальности был ужесточен контроль над средним и мелким бизнесом, и без того пребывающим в достаточно жалком состоянии.

Хотя политическая активность самого Л.Тер-Петросяна и сформированного им Армянского национального конгресса постепенно сходилась на нет, его политическая повестка оказалась востребованной и сменила заявленный было курс на системное реформирование политической и экономической парадигмы. Симптомы этого можно видеть в том, что действующие власти оказались в фарватере информационной и внешнеполитической повестки, заданной сторонниками конгресса. В первую очередь, это касалось оценки результатов выборов и событий 1 марта 2008 г. Свое поражение на выборах Левону Тер-Петросяну и его пропагандистской машине удалось обратить в информационную победу — отказавшись от какого-либо аргументированного представления дела в Конституционном суде, он сделал упор на заявления о нелегитимности существующей власти, что, по эффекту рикошета, должно было утвердить его притязания на победу в президентских выборах. Логика парадокса: в 1996 г. он так и не смог убедить хотя бы свое ближайшее окружение в провозглашенной им победе. В настоящее время, чем дальше от выборов 2008 г., тем больше процентов приписывается Тер-Петросяну (его ближайший сподвижник Л.Зурабян дошел даже до 75%). Это логично — чем в большей степени реализуется когда-то сформированный им режим, тем о более высоких процентах имеет право заявлять Левон Тер-Петросян.

Важной не только информационной, но и политико-правовой победой сторонников Тер-Петросяна надо считать интерпретацию «событий 1 марта». В этом вопросе создалась своеобразная коалиция, блокирующая какую-либо информацию, не вписывающуюся в сценарий о «добрых мятежниках» и «злых карателях». Табу на объективное освещение событий вполне объяснимо: ни одной из сторон, определяющих сегодняшнюю информационную политику, не выгодно признать то, что власть несколько часов буквально вяля-

лась на улице; полицейские силы утратили контроль не только над ситуацией, но даже над собственными подразделениями, а оппозиция — над мобилизованной ею «массовкой», особенно из окраин и пригородных сел. Жестокость полицейских плюс активно распространяемая сподвижниками Тер-Петросяна дезинформация о сотнях убитых, в том числе и детях, породили ситуацию массового, причем в дальнейшем сознательно нагнетаемого психоза, что привело к массовым беспорядкам и (возможно, спонтанным) погромам. Провозгласивший ранее «национально-освободительную борьбу до победного конца» Левон Тер-Петросян предпочел отсиживаться в своей резиденции, его эмиссары, по всей видимости, не имели какой-либо осмысленной программы действий, кроме постоянного нагнетания напряженности, что в конечном итоге вылилось в погромы. Полицейские, которые утром 1 марта 2008 г. немотивированной жестокостью (в том числе и по отношению к случайным прохожим) спровоцировали обострение ситуации, к вечеру разбежались, показав, что в экстремальных условиях полиция не в состоянии обеспечить не только пресловутый «полицейский порядок», но и даже собственную безопасность. В свое время Гарегин Нжде сказал, что занимающийся грабежом может быть дерзким разбойником, но никогда — отважным солдатом. Но применительно к тем полицейским, которые привыкли избивать беззащитных и заниматься поборами, более подходит русская поговорка — «молодец на овец, а против молодца — сам овца». Армии пришлось взять на себя не свойственную ей функцию — обеспечение общественного порядка. И в отличие от 1996 г., армия обошлась без «комиссаров в штатском», без какого-либо вмешательства в жизнь города, но своим символическим присутствием способствовала возвращению жизни в нормальное русло. Армия оказалась, пожалуй, единственным институтом, который действовал с достоинством и адекватно ситуации.

Все последующие месяцы 2008 г. постоянно обсуждался вопрос — кто виноват в «событиях 1 марта», и внятного ответа до сих пор нет. Оппозиция требовала назвать виновных, власти отмалчивались или давали — посредством не самых главных лиц — весьма невразумительные объяснения. Но примечательно, что другой, не менее важный вопрос — а кто в ту трагическую ночь спас Ереван, а может, и Армению, кто предотвратил чреватое куда более серьезными последствиями развитие событий?! До сих пор это имя не названо... Край-

не странно, но, не исключено, что выяснится, что такой силы в самом деле и не было: лишенная лидера толпа исчерпала свою энергию в бессмысленных погромах. Наступивший на утро шок свел на нет расчеты тех радикалов, кто надеялся на то, что пролитая кровь поднимет новую волну протеста, с которой властям уже не удастся совладать.

Что касается властей, то они, в свою очередь, не смогли обосновать выдвинутую ими первоначально версию об организации массовых беспорядков и попытках захвата власти. Можно только предполагать, то ли вследствие табу на значимую часть информации, то ли из-за топорной работы следствия, но выдвинутые обвинения развалились в судах и осталась версия о мирных погромщиках, подвергшихся дикому нападению полицейских. С самого начала событий сторонникам Левона Тер-Петросяна удалось навязать свою версию событий международным организациям и средствам массовой информации и уже от них возвращая ее в Армению – но уже не как собственную интерпретацию, а как мнение международного сообщества. Что касается властей, то их позиция оказалась крайне непоследовательной – внутри страны власти выступили с уголовными обвинениями в адрес оппозиции, что делало невозможным диалог с ней, даже несмотря на ряд символических шагов (как, например, участие премьера в съезде антиправительственных сил). В то же время на международной арене власти заняли позицию защищающихся и оправдывающихся и выступали как сторонники переговоров и компромисса. Такая двойственность не могла долго продолжаться: скоро власти и во внутренней политике были вынуждены перейти от нападения к защите и от обвинений перейти к оправданиям или же к покаяниям по мотивам Достоевского (мол, все мы виноваты, каждый из нас несет свою долю ответственности).

Как видим, поражение Левона Тер-Петросяна на выборах не помешало созданной им политической парадигме победить, навязав свою систему ценностей, и благодаря этому утвердиться в качестве механизма (и идеологии) управления. Весьма скромные проценты, полученные Тер-Петросяном и возглавляемым им Армянским национальным конгрессом уже в следующем 2009 г. на выборах мэра Еревана следует записать на его личный счет, но это не должно заслонять того факта, что заявленная им повестка в основных чертах оказалась востребованной и реализуется.

Однако было бы ошибочным ограничивать анализ сложившейся в 2008 г. ситуации исключительно описанием противостояния сил, победивших или проигравших на выборах 20 февраля 2008 г. Зададимся крамольным вопросом: а есть ли сегодня в обществе силы, способные противостоять этой парадигме? Более того, а не является ли она той формой организации, которая наиболее органична сегодняшнему состоянию армянского общества, — состоянию, в котором оно оказалось после вынужденной эмиграции (в значительной части — образованных и энергичных людей в творчески активном возрасте), после годов упадка образования, культуры, сформировавшегося конгломерата политического цинизма и олигархической экономики. К прискорбию, приобретает все большую инерционную силу и устойчивость возникший еще в 1990-х гг. замкнутый круг: *электоральный феодализм плодит феодальный электорат*, и в то же время *феодальный электорат регулярно воспроизводит электоральный феодализм (власть избираемых феодалов)*. Наиболее наглядно это проявляется на органах местного самоуправления, однако процесс феодализации имеет не только пространственно-территориальное измерение. Менее заметным, но и более опасным является его распространение и на общество в целом. Общепринято, что противоядием против неэффективной власти является гражданское общество.

Можно ли считать гражданским сложившееся в Армении общество?⁹ С формальной точки зрения — конечно же, оно существует. Можно указать на тысячи общественных организаций, десятки партий, сотни формально независимых средств массовой информации и т.д. Однако в реальности соблюдены лишь внешние атрибуты гражданского общества, которые служат как раз-таки противоположной цели — еще большей фрагментации и феодализации.

Разумеется, есть существенное различие между феодализацией государственной власти и фрагментацией общества. Применительно к организации общества следует говорить не о фрагментации

⁹ В Ереванском государственном университете была защищена диссертация на тему о парламенте Армении как институте гражданского общества — это не просто показатель уровня подготовленности армянских политологов, но и показатель того, что само понятие гражданского общества, хоть и часто используется, но в содержательном плане остается неясным даже экспертам. Что уж говорить о самих гражданах?

власти, а о фрагментации интересов, что, возможно, еще опаснее: это приводит к состоянию «войны всех против всех» — то есть именно к тому, что и есть «естественное состояние» по Гоббсу. Напомним, что «гражданское общество», согласно британскому философу, формируется именно в процессе выхода из этого «естественного» состояния путем введения механизмов гармонизации интересов. К сожалению, в Армении происходит скорее обратное — формально гражданское общество все более приобретает черты естественного. Произошла вначале приватизация, а затем — феодализация, а в некоторых случаях, например, при партийном строительстве — и криминализация того, что называется институтами гражданского общества. Происходит характерная для такой системы замена политических процессов меж- и внутриклановой борьбой, чаще всего выливающееся в откровенное интриганство, но иногда и переходящее в криминальную сферу. Поэтому при столкновении интересов крайне редко можно встретить практику согласования, а не их конфронтационного решения («кто сильнее, тот и прав»). Партии и неправительственные организации в значительной своей части также функционируют как большие или малые феодалы, обслуживающие своего лидера и ответственные не перед обществом, а перед грантодателем — будь то государственный орган, отечественный олигарх или международная кормушка. Эта зависимость естественно дополняется всевластием в своем «феоде».

Несостоятельность неправительственного сектора, того, что называют институтами гражданского общества, особенно наглядно (не в силу наибольшей испорченности, а поскольку они в наибольшей степени на виду у всех) можно видеть на примере масс-медиа. Весьма символично, что все т.н. «независимые» каналы забиты весьма сочувственными сериалами о буднях бандитов, их трудах и заботах (их «горьком счастье» — так называется наиболее популярный сериал). Это символично — журналистика стала частью криминального мира, разновидностью мелкого рэкета, орудием вымогательства и шантажа. Различного рода пресс-клубы и комитеты защиты прав журналистов постепенно превратились в лоббистов права на вымогательство и безответственность. Во всяком случае, недавние обсуждения относительно возможных поправок к закону ограничились лишь этой темой, оставив в стороне (как якобы противоречащие свободе слова) такие серьезные вопросы, как объектив-

ность информации, независимость СМИ, профессионализм, качество продукции и этику журналистики.

Каким видится выход из создавшейся ситуации? В свое время, описывая ситуацию, сложившуюся в Армении в 2004 г., мы предложили два сценария: «Обобщая, можно наметить различные сценарии дальнейшего развития событий. Пессимистический предполагает углубление не получающих должного решения кризисных явлений, что, в результате массовых протестных акций может привести к диктатуре или же дезинтеграции государственной власти, ее уже полному переходу в руки региональных или ведомственных «князьков». Оптимистический подход, напротив, предполагает, что достигнутая стабильность позволит предпринять меры, которые послужат снижению социально-экономической напряженности и усилению институтов гражданского общества и общественного согласия. Это имеет важнейшее значение и для решения стоящих перед Арменией внешнеполитических задач, прежде всего, Карабахской проблемы»¹⁰.

К сожалению, мы видим, что оказался реализован – слава Богу, хоть не в полной мере, – скорее пессимистический сценарий, а оснований для оптимистических прогнозов поубавилось. Между тем, если раньше можно было худо-бедно, но продолжать в предыдущем духе, то сейчас ситуация кардинально изменилась. Принуждающий к инновациям экономический кризис, с одной стороны, и изменившийся общемировой и региональный политический дизайн (симптомом этому стало избрание Барака Обамы) – с другой – требуют куда более гибкой системы организации и функционирования государства и общества, нежели существующая.

Ждать ли, что ситуация достигнет критической черты, как это было в 1996-1997 гг.?

Безусловно, должны быть предприняты меры, и здесь нет смысла изобретать что-либо новое: достаточно напомнить ранее процитированные программные положения выступлений президента и премьер-министра. Причем эти положения с большой прозорливостью были высказаны еще до наступления глобального экономического кризиса, так что сейчас они стали даже еще актуальнее. Так

¹⁰ *Золян С.* Это сладкое слово – «стабильность». Армения в 2004 году. С.102.

что дело «всего лишь» за их реализацией. Нет оснований сомневаться в их искреннем желании сделать это, вопрос в том, какие силы (если таковые есть) готовы их поддержать...

Что же касается искоренения электорального феодализма и изменения режима в целом, то здесь также не надо придумывать чего-либо оригинального. История человечества давно уже дала ответ на вопрос – какие политические и правовые механизмы способствуют преодолению феодальной системы. Эти механизмы описаны не только в учебниках истории, но и в Конституции Армении и ее Уголовном кодексе. Следует строго следовать конституционным принципам:

- 1) власти (исполнительная, законодательная и судебная) должны быть разделены и не должны быть непосредственно или опосредованно вовлечены в бизнес;
- 2) политика и бизнес не должны быть связаны с уголовщиной – поскольку бизнес тесно связан с криминалом, то, казалось бы, при отграничении политики от бизнеса эта проблема может быть решена относительно легко.

К сожалению эти два положения не столь просты, как кажется на первый взгляд. Они таят противоречие – изменить систему может только сильная власть в сотрудничестве с консолидированным и знающим социальные интересы обществом. Но сегодняшняя реальность такова: если власть не имеет отношения ни к бизнесу, ни криминалу – какая это власть? На взгляд большинства в обществе, таким нечего делать в политике – разве что потешать людей телевыступлениями или же встречать в аэропорту зарубежных гостей.

Решения могут казаться простыми и очевидными – другое дело, что, как бы хорошо они не звучали на конференциях или теледебатах, вряд ли кто-либо в здравом уме будет настаивать на том, что их реализация – достаточна проста и возможна в ближайшем будущем. Вспомним Джонатана Свифта – во время одного из своих путешествий его герой Гулливер попадает в академию, где, среди прочих, встречается с политологами. Эта встреча производит на Гулливера удручающее впечатление:

«В школе политических прожектеров я не нашел ничего занятного. Ученые там были, на мой взгляд, людьми совершенно рехнувшимися, а такое зрелище всегда наводит на меня тоску. Эти несчастные пред-

лагали способы убедить монархов выбирать себе фаворитов из людей умных, способных и добродетельных; научить министров считаться с общественным благом, награждать людей достойных, одаренных, оказавших обществу выдающиеся услуги; учить монархов познанию их истинных интересов, которые основаны на интересах их народов; поручать должности лицам, обладающим необходимыми качествами для того, чтобы занимать их, и множество других диких и невозможных фантазий, которые никогда еще не зарождались в головах людей здравомыслящих. Таким образом, я еще раз убедился в справедливости старинного изречения, что на свете нет такой нелепости, которую бы иные философы не защищали как истину».